

Убийство по расписанию

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Когда у Мосика возникало чувство беспокойства, он отправлялся гулять. Шел куда глаза глядят, лишь бы унять разбушевавшиеся эмоции. Такое состояние Мосика его лечащий врач называл беспокойством, сам же он предпочитал обозначать эти дурные наплывы термином «предчувствие». Прогулки на свежем воздухе ему тоже посоветовал врач. Мол, это лучшее средство от депрессии. Здесь Мосик склонен был согласиться с Евгением Исааковичем. Именно таковы были имя-отчество доктора.

Ожидание чего-то ужасного, непоправимого возникало у него всегда внезапно. Подготовиться к наплыву никак не выходило. Усидеть на месте, когда на душе так тревожно, он и подавно не мог. Каждый раз Мосик надеялся, что предчувствие дурного возникло в последний раз, и постоянно ошибался. Минут двадцать он метался по комнате, от стены к стене. Но это лишь усугубляло состояние тревоги. Стены давили, потолок нависал, грозил свалиться на голову. Воспаленный мозг рисовал картины одна страшнее другой. Он не выдерживал, срывал с крючка плащ или хватал с полки свитер и бежал на улицу.

Оказавшись на открытом пространстве, Мосик не сразу получал облегчение. Наоборот, какое-то время тревога нарастала, пыталась загнать его обратно в квартиру. Но с этим он худо-бедно справляться научился. Как? Способ оказался донельзя простым.

Мосик начинал повторять фразы, которые из сеанса в сеанс произносил Евгений Исаакович:

«Где люди, там жизнь. Где свет, там безопасность. Где воздух — там свобода».

Золотые слова. Правильные, а главное — эффективные.

Мосик бежал по тротуару, освещенному сотней фонарей, мимо москвичей, спешащих по своим делам, гудящих автобусов и автомобилей. Ветер обдувал разгоряченное лицо. Постепенно он начинал ощущать ту самую свободу и безопасность, о которой говорил Евгений Исаакович.

Жил Мосик в престижном районе Фили-Давыдково, между станциями метро «Кунцевская» и «Славянский бульвар». Квартирка по столичным меркам скромненькая, но со всеми удобствами, да еще двухкомнатная. Досталась она Мосику в наследство от троюродной бабки. Он был несказанно рад этому, так как родительский дом, расположенный в пригороде Москвы, его бывшая жена благополучно продала, а вырученные средства давно промотала.

Когда-то, еще до возникновения наплывов, вторую комнату он сдавал студентам. Не ради наживы, а чтобы было с кем коротать вечера. Теперь о сдаче жилья пришлось забыть. Малоизвестные люди его беспокоили и вызывали обострения. Узнав об этом, Евгений Исаакович посоветовал ему обзавестись живностью, но собак и кошек Мосик с детства не выносил, так что вынужден был выносить одиночество.

Сегодня предчувствие чего-то непоправимого застигло Мосика во время сна. Он проснулся весь в поту и сразу понял, что бежать ему предстоит далеко. В постели было тепло и почти безопасно, но силы воли оставаться на месте хватило минут на десять. Страх распространялся так быстро, что Мосик едва успел одеться в соответствии с погодой, прежде чем выскочил на лестничную клетку. Плащ он натягивал уже на ходу, запутался в рукавах и чуть не оторвал капюшон. В итоге на улицу Мосик выскочил как попало и помчался быстрее обычного, не обращая внимания на пронзительный ветер и морось, летящую с неба.

В себя он пришел в излюбленном месте, под автодорожным мостом, где, как правило, и заканчивались все его пробежки. Почему-то для Мосика этот мост имел особую привлекательность. Быть может, из-за названия. Дорогомилковский

мост. Дорогой и милый в одном флаконе. Мосик считал, что это очень красиво. Обычно после возвращения в реальность он с час сидел на бетонных плитах напротив Пресненской набережной и тупо смотрел вверх. По мосту двигались автомобили. Они создавали особый ритм, который успокаивал его.

Мосик взглянул на часы и удивился. Почти пять утра. Когда же его угораздило выскочить из дома?

Он потрогал карманы плаща, нащупал ключи и пачку сигарет, закурил. Дым приятно щекотал ноздри. В детстве Мосик частенько наблюдал, как отец пускал кольца дыма. Такое зрелище казалось ему завораживающим. Пожалуй, курить он начал лишь потому, что жутко хотел научиться это делать, но освоить данный процесс ему так и не удалось.

Порыв ветра заставил его поплотнее запахнуть полы плаща. Здесь, на набережной, осень ощущалась сильнее. Ему резко захотелось домой, в уютную спальню, под теплое одеяло.

Мосик докурил, аккуратно затушил сигарету о бетонную плиту и поднялся, чтобы выбросить окурочек в воду. Рука его пошла вверх, да так и зависла. Глаза Мосика округлились, из горла вырвался глухой стон. То, что он увидел, заставило его содрогнуться. Вот оно! Предчувствие!

Наверху, на металлической балке центрального пролета, висело тело. Мосик обладал стопроцентным зрением, поэтому видел даже веревку, которая врезалась в оголенную шею. Голова по отношению к туловищу свешивалась чуть влево. Висел человек затылком к Мосику, лица он не видел, но почему-то был уверен, что человек уже мертв. Было кое-что странное в позе висельника. Руки его вроде бы должны были болтаться вдоль туловища, а они оказались заведены за спину.

«Да на них же веревки», — догадался Мосик, перевел взгляд на ноги, но не увидел их.

Нижнюю часть туловища загоразживала некая черная масса, то ли куртка, то ли толстое одеяло. В любом случае ног видно не было.

Вдруг эта черная масса начала распрямляться, увеличиваться в размерах и вскоре превратилась в очертания еще од-

ного человека. Он стоял у самого края, нижней частью туловища прислонившись к решетчатому ограждению. Этот тип обеими руками обхватил ноги висельника и со всей силы тянул тело вниз.

Картина то расплывалась, то принимала гротескно четкие очертания. Мосик смотрел и не верил тому, что видел. Вернее сказать, его мозг отказывался воспринимать эту совершенно жуткую информацию. На мосту находились два человека. Один из них явно был мертв, а второй ему в этом помог.

— Мамочки, да это же убийство! — Эти слова прозвучали как-то сами собой.

Когда их смысл дошел до Мосика, его тут же затопила паника.

Первой его реакцией было желание бежать отсюда. Прочь от стрессов и проблем. Домой, в тепло, в безопасность. Но ноги не слушались, будто приросли к бетонной плите. Рука медленно опустилась, бычок из пальцев давно выпал. Ладонь нырнула в карман, обхватила корпус мобильного телефона, машинально, на автомате нащупала кнопку экстренного вызова.

Все-таки годы работы в пожарной службе не прошли бесследно. Мосик и думать не хотел влезать в чужие проблемы, а рука все сама за него решила.

Он нащупал кнопку, но не нажал на нее, отошел на несколько шагов в сторону, снова поднял глаза и взглянул на металлические панели железнодорожного моста. Может, обман зрения, галлюцинация? Нет, Мосик опять видел именно то же самое. У него не было ни единого сомнения в этом.

— Черт, что же делать? — проговорил он вслух, негромко, но отчетливо. — Как же мне теперь быть?

Ответа не последовало. Мосик снова сел, отвел взгляд от металлических конструкций моста, сжал и разжал пальцы, достал телефон, подумал и снова убрал его в карман.

«Надо уйти отсюда немедленно, — подумал он. — Этот поступок будет самым безопасным, значит, правильным. Да, я могу унести отсюда ноги, но что скажет на это Евгений Исаакович? Мне ведь придется рассказать ему все, упомянуть и о том, как трусливо я поступил».

— Соберись, Мосик! Ты должен это сделать. — Эти слова эхом отдались от опор моста и вернулись обратно. — Сколько раз ты в огонь бросался, не задумываясь, а тут всего лишь звонок. Это намного проще.

Как ни странно, страх и отчаяние ушли. Теперь Мосик чувствовал себя бодро, даже как-то воодушевленно. Надо набрать номер службы спасения и все рассказать. Возможно, этим он спасет чью-то жизнь. Снова.

— Где люди, там жизнь! Где свет, там безопасность! Где воздух, там свобода! — как мантру произнес Мосик, вдавил кнопку вызова и поднес аппарат к уху.

Оператор единой службы спасения сработал оперативно. Не прошло и пары минут, как Мосик услышал стандартную фразу по поводу дежурной части и требование озвучить проблему.

— Тут это, повесили его, — невнятно начал он.

Мосик ожидал долгих расспросов, переключений с одного оператора на другого, однако без всякого футбола попал сразу в дежурную часть, да еще не в какой-то участковый отдел, а на Петровку. Тут любой растеряется.

— Пожалуйста, говорите четче. Где вы находитесь и какова цель вашего звонка? — Командные нотки в голосе сотрудника уголовного розыска звучали грубовато, поэтому страх постепенно возвращался к Мосику.

— Я под мостом, а тут висельник, — промямлил он.

— Где вы находитесь? — повторил вопрос дежурный, имени которого Мосик не запомнил.

— Под мостом.

— Под каким конкретно мостом? Что у вас там вообще происходит?

— Да кранты ему, похоже. — Мосик плыл на своей волне.

— Так, гражданин, представьтесь для начала и учтите, что все звонки идут под запись, — предупредил его дежурный.

Сделал он это напрасно. Услышав про запись, Мосик тут же решил, что от дежурного исходит реальная угроза.

Он затрясся и понес полную околесицу.

— Я здесь сидел, место красивое. Да и название тоже. Я не собирался звонить, домой идти хотел, а тут бычок решил вы-

бросить и увидел. Он висит, а тот его за ноги дергает. Проверял, наверное, крепкая ли веревка.

Дежурный уже не мог пробиться через сплошной поток фраз, на его взгляд, совершенно бессвязных, но и трубку бросить что-то ему мешало.

В этот момент в дежурку вошел полковник Гуров.

Он остановился возле стойки, прислушался и вполголоса спросил:

— Что там у тебя, Фролов?

— Да псих какой-то, — прикрыв трубку ладонью, тихонько ответил тот. — Про висельника несет, про мост с красивым названием.

— Откуда звонок?

— Из единой службы перевели, — ответил дежурный. — Хотите послушать?

Лев Иванович утвердительно кивнул, и Фролов передал ему трубку.

— Ну, в общем, я сказал, а вы как знаете, — услышал сыщик, понял, что собеседник сейчас отключится, и быстро заговорил сам:

— Доброе утро, гражданин, с вами говорит полковник Гуров. Дежурный сообщил мне, что вы стали свидетелем чрезвычайной ситуации. Это так?

— Ого, еще один! Да неужто мне всей Москве про висельника рассказывать? Пока вы слушаете, тот, второй уберется отсюда. Как пить дать убежит.

— Висельник? На мосту? И преступник там? — Так же, как минутой раньше Фролов, Гуров в недоумении поднял брови.

— Ну да. Оба здесь, — прозвучало в ответ. — Вы бы поторопились.

— Называйте адрес, — не стал раздумывать сыщик.

— Да какой адрес? Дорогомиловский мост. Там, где железка, а не машины.

— Выезжаем. Дождитесь нас, гражданин. Не вздумайте убегать, ваш номер зафиксирован, — на всякий случай пригрозил Гуров этому странному типу.

— Ладно, дождусь, — сказал тот, и сразу после этого в трубке зазвучали гудки.

— Фролов, собирай группу! — скомандовал сыщик.

— Думаете, что-то серьезное? — с сомнением произнес Фролов.

— На месте разберемся, — ответил Лев Иванович и пошел на выход.

У железнодорожного моста опергруппа была через час. Гуров сразу увидел то, что заставило сотрудников уголовного розыска приехать сюда. Ровно по центру железнодорожного моста на металлической балке висело нечто, очень уж похожее на тело человека. Под ним кто-то сидел на корточках. Группа захвата направилась напрямик на мост, а Гуров пошел разыскивать бдительного горожанина, позвонившего в полицию.

Тот никуда не делся, представился Дмитрием Антоновым, никаких документов при себе не имел. Вид его вызывал множество вопросов. Ботинки на босу ногу, пижамные брюки, теплый свитер и стильный плащ. В руках он теребил старенький мобильник с кнопочной системой набора.

Гуров кое-как заставил его говорить внятно. Тот сообщил ему, что видел, как человек, сидевший теперь на корточках, вешал на балку другого мужчину. Сыщик заявил, что должен отвезти свидетеля в отдел для дачи письменных показаний. Сперва Антонов разволновался, но тут же себя успокоил, сказал, что знает процедуру.

Оставлять свидетеля одного Гуров не решился, уж больно вид у того был неадекватный. Поэтому он передал данного типа на попечение водителя микроавтобуса, который доставил бригаду до места. Старший группы захвата связался с полковником и доложил, что подозреваемый задержан. После этого Гуров отправился осматривать место происшествия.

Как и сказал Антонов, на балке висел человек. Это был мужчина, возраст за пятьдесят, одет в классический костюм синего цвета, бежевую сорочку, при галстукe. Руки и ноги связаны, рот заклеен скотчем, что сразу полностью отметало версию самоубийства. Внешних признаков насилия Гуров не увидел, отметил только, что обувь по какой-то причине отсутствует. Врач осмотрел тело, констатировал смерть.

Лев Иванович прошелся взад-вперед по узкой полосе моста, предназначенной для технических работ, сделал несколько снимков и вернулся к машине.

За это время старший опергруппы успел связаться с железнодорожным начальством. Движение поездов по данной ветке те обязались приостановить, но время ограничили. У криминалистов в запасе было около двух часов, вполне достаточно. Тем более что никаких особых улик на мосту криминалисты обнаружить и не ожидали. Им уже было ясно, что здесь была совершена лишь финальная часть преступления. Основное же действие происходило где-то в другом месте, обнаружить которое предстояло оперативным работникам.

Тело они сняли и унесли в труповозку, на подозреваемого надели наручники и препроводили в автомобиль Гурова. Спустя двадцать минут на мосту остались лишь эксперт-криминалист и двое оперативников. Полковник забрал с собой бойца из группы захвата, чтобы тот сопровождал подозреваемого, перебазировал свидетеля из микроавтобуса в свой автомобиль и повез всю компанию в управление.

Добравшись до места, Гуров определил подозреваемого в камеру. Допрашивать его он собирался после того, как криминалисты и патологоанатом дадут свои заключения, то есть никак не раньше вечера.

А вот беседу со свидетелем лучше было не откладывать. Надо было начинать ее прямо сейчас, пока в его памяти хранилось только то, что он видел в реальности. Гуров по опыту знал, что чем дольше человек обмусоливает в памяти картину происшествия, тем больше он додумывает от себя. Разобраться в том, что было на самом деле, а что приключилось только в воображении, бывает не так просто.

В кабинете Гурова Дмитрий Антонов совсем скис. Полковник еле уговорил его присесть. Тот устроился на самом краешке стула, сложил руки на коленях и принялся скрещивать и размыкать пальцы. В принципе, ничего особенного в этом не было. Попадая в полицейское управление, практически все люди начинают нервничать. Ничего с этим не поделаешь. Так уж сложилось.

— Гражданин Антонов, не нужно волноваться, — проговорил Гуров. — Вы приглашены сюда всего лишь в качестве свидетеля. Мы с вами побеседуем, а потом вы сможете вернуться домой. Я могу называть вас Дмитрий?

— Лучше Мосик, — подал голос Антонов.

— Мосик? — машинально переспросил Гуров.

— Да. Меня все так зовут, даже доктор Евгений Исаакович, у которого я лечусь. Сначала он никак не хотел, говорил, что у человека должно быть нормальное имя, а это кличка собачья. Только я с ним не согласен. Если мне приятно, когда меня Мосиком зовут, то почему не назвать? Дмитриев в одной Москве наберется, наверное, целый миллион, а Мосик я один. Круто?

— Круто, — вынужден был согласиться Гуров. — Значит, Мосик.

— А хотите знать, откуда взялось такое имя? Интересная история, между прочим. Могу рассказать. — Мосик с надеждой взглянул на Гурова, даже пальцы теревить перестал.

— Любопытно было бы послушать, — произнес сыщик.

История Мосика оказалась не особо интригующей, но дала возможность свидетелю расслабиться и почувствовать себя в кабинете полковника если не как дома, то вполне комфортно. Прозвище Мосик Дмитрий Антонов, возраст которого, как оказалось, приближался к тридцати одному году, получил лет восемь назад. Тогда он служил в подразделении столичного пожарного надзора, высоких постов не занимал.

В один из выездов Дмитрий Антонов спас на пожаре милого песика, совсем еще кроху. В благодарность малолетняя хозяйка этой зверушки подарила ему малюсенький брелок в виде щенка. При этом она заявила, что он очень похож на пожарного. У него такой же милый носик. Это слово в силу нежного возраста девчушка исковеркала. Вот и получилось «мосик».

Ребята из пожарного расчета зацепились за это слово и принялись дразнить Дмитрия. Они то и дело называли его Мосиком.

Поначалу он злился, даже ругался с парнями. Потом плюнул, понял, что они все равно не перестанут дразнить его.